

УДК 882 Бродский-1.06

Д.С.Федорова (4 курс каф. РЯ), Т.Ю.Волошинова, к.п.н., доц.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИИ И.А.БРОДСКОГО «ОТ ОКРАИНЫ К ЦЕНТРУ»

Интерес к поэзии Бродского у наших современников не ослабевает, однако структура поэтических текстов данного автора сложна и многослойна, она требует значительных читательских усилий по декодированию скрытой информации. Одним из наиболее ярких аспектов поэзии И.Бродского, на наш взгляд, является организация художественного пространства в его произведениях. Для анализа мы взяли стихотворение "От окраины к центру", где исследуемый аспект является доминирующим.

Можно говорить о том, что в первых двух строфах происходит расширение пространства, а точка наблюдения непрерывно удаляется от земли – в поле зрения попадают новые и новые объекты, и если сначала эти объекты называются во множественном числе, от чего возникает ощущение однообразности и монотонности пространства, хотя здесь присутствует и "местность любви", и "полуостров заводов", и "аркадия фабрик", то далее лирический герой замечает, вероятно, менее значимые пространственные детали, но смотрит на них уже с такого расстояния, на котором становится ясна полная картина и взаимосвязь отдельных ее элементов: появляются слова, описывающие пространственные связи: "предо мною", "за спиною". Однако уже в последней строке второй строфы происходит резкое сужение пространства: внимание героя концентрируется только на его встрече с другим персонажем, точнее – с его юностью ("Добрый день, вот мы встретились, бедная юность"), и здесь герою уже не важно, где он находится, важно только, что встреча произошла. В третьей строфе пространство проявляется только с помощью слов "над" и "вверх" ("...чья-то тень над родным патефоном, // Словно платью твое вдруг подброшено вверх саксофоном"). В следующей же строфе становится очевидным, что герой воспринимает свою юность находящейся не в какой-то определенной точке, а одновременно в очень многих ("В ярко-красном кашне и в плаще в подворотнях, в парадных // Ты стоишь на виду на мосту возле лет безвозвратных"), но вместе с этим он говорит: "И ревет позади дорогая труба комбината", то есть снова обращается к конкретным местам, к конкретным объектам, более того – здесь происходит соединение этого конкретного и огромной, может быть, даже безграничной местности, и это свидетельствует о том, что лирический герой видит свою юность в каждом уголке, в каждой точке пространства.

Далее снова идет пространственное расширение, что хотя и слабо, но становится заметно уже в следующей строфе (строка "Рядом новый закат гонит вдаль огневые полотна"), а в строфе 6 пространство раскрывается еще сильнее, чем прежде, раздвигается с помощью глаголов движения ("По замерзшим холмам молчаливо *несутся* борзые, // Среди красных болот *возникают* гудки поездные, // На пустое шоссе, *пропадая* в дыму редколесья, // *Вылетают* такси, и осины глядят в поднебесье" (этот глагол, хотя и не является глаголом движения, также помогает воспринять расширение пространства)).

Затем лирический герой в какой-то степени успокаивается и погружается в свои мысли, в оценку происходящего, поэтому дальше пространство снова несколько сужается, а со следующей строфы оно становится менее реальным, чем прежде, это уже пространство не вокруг героя, оно отражает картину, которую герой мысленно выстраивает, представляет себе (это иллюстрируют, например, слова "словно кто-то вдали в новостройках прекрасно играет", "мы все вместе стоим над холодной блестящей рекою").

В 11-й строфе ("Вот я вновь прохожу в том же светлом раю с остановки налево..."), как

и в конце 4-й, герой сосредоточивается на реальном мире, но в его словах появляется больше образности, которая не дает нам до конца уйти из мира, созданного самим героем (это заметно в строках "Предо мною бежит, закрываясь ладонями, новая Ева", "Ярко-красный Адам вдалеке появляется в арках", "Обвивается змей, и безмолвствует небо героик" и в некоторых других).

С 13-й строфы герой снова углубляется в оценку действительности и снова пространство, описываемое им, перетекает в ирреальное, существующее лишь в воображении, и мы перестаем видеть, что находится впереди, потому что там – одна неизвестность, поэтому можно говорить, что автор через своего героя подводит читателя к какой-то границе, но мы не знаем, обрыв ли дальше, пустота или там существует что-то новое, еще незнакомое нам.

Возникает ощущение раздвоенности: с одной стороны, мы вместе с героем остаемся у этой границы, а с другой – видим, как вокруг героя снова проявляется реальное пространство, видим, как это пространство сужается подобно тому, как оно сужалось в начале произведения. Связано такое сужение, как и тогда, с образом юности героя, с обращением к этому образу. За сужением пространства вновь следует его расширение, а дальше – в строфе 19 – пространство сужается уже вокруг одного героя. Теперь это происходит не оттого, что есть какой-то объект, способный закрыть собой все существующее вокруг, объект, приятный герою, радующий его, а наоборот – здесь причиной сужения выступает разочарованность героя.

В двух заключительных строфах пространство, воспринимаемое героем, распадается, и от нас самих уже ускользает эта целостность: "Столько раз я вернусь – но уже не вернусь – словно дом запираю".

Ко всему вышесказанному необходимо добавить, что важность проанализированного нами аспекта подчеркивается названием, которое автор выбрал для текста.

Таким образом, сложная пространственная структура стихотворения направлена на раскрытие внутреннего мира лирического героя. Динамика изменений художественного пространства соотносится с основной авторской идеей. Очевидно, что без подробного анализа пространственных отношений в стихотворении наше восприятие данного текста было бы неполным.